

Быстро колѣнами двигалъ, бѣжа вдоль стѣны Иліонской.
 Мимо холма, мимо дикой смоковницы, вѣтрамъ открытой, 145.
 Оба они прибѣжали къ стѣнѣ, колесничной дорогой,
 И свѣтлоструйныхъ достигли двухъ водныхъ вмѣстилищъ, откуда
 Два родника выбѣгаютъ глубокопучиннаго Ксанѳа:
 Съ теплой водою одинъ, и надъ нимъ непрестанно клубится
 Паръ, далеко растилаясь, какъ дымъ надъ пылающимъ лѣсомъ; 150.
 Ключъ же другой и средь лѣта струится, по холоду равный
 Граду иль мерзлomu снѣгу, иль въ ледъ превратившейся влагѣ.
 Тамъ у ключей находились просторныя, пышныя мойни,
 Гладкимъ обложены камнемъ, гдѣ свѣтлыя мыли одежды 155.
 Дочери храбрыхъ Троянцевъ и жены, прекрасныя видомъ,
 Въ прежніе мирные дни, до прихода Ахейскаго войска.
 Мимо бойцы пронеслись, — тотъ спасаясь, а сей догоняя.
 Доблестный мужъ убѣгалъ, настигалъ же безмѣрно храбрѣйшій.
 Ибо не жертвы они добивались, не кожи бычачьей,
 Что достается обычно въ награду быстрѣйшему въ бѣгѣ, 160
 Но о душѣ состязались могучаго сына Пріама.
 Точно къ побѣдѣ привыкшіе цѣльнокопытные кони
 Мчатся, мету огибая, и славная ждетъ ихъ награда, —
 Мѣдный треножникъ, иль дѣва, на тризнѣ убитаго мужа:
 Такъ они городъ Пріама три раза кругомъ обѣжали, 165.
 Быстрымъ ногамъ довѣряясь. И всѣ на ихъ боги взирали.
 Первый межъ ними воскликнулъ отецъ и людей и безсмертныхъ:
 «Горе, любезный мнѣ воинъ бѣжить вокругъ стѣны Иліонской,
 Славнымъ гонимый врагомъ. Я гляжу и душа моя плачетъ
 Въ скорби по Гекторѣ: часто онъ бедра бычачьи сжигалъ мнѣ 170.
 Въ жертву на многолощинныхъ высотахъ Идейскихъ и въ Троѣ,
 Въ городъ верхнемъ. Теперь-же его Ахиллесъ богоравный
 Быстро преслѣдуетъ въ бѣгствѣ вокругъ славной твердыни Пріама.
 Но помогите, о боги, обсудимъ и примемъ рѣшеніе:
 Снова спасемъ-ли его отъ гибели, или дозволимъ, 175.
 Что-бъ, не взирая на доблесть, онъ палъ, укрошенный Алиллою?»
 И синеокая такъ возразила богина Паллада:
 «Молніеносный Зевесъ, что сказалъ ты, о тучегонитель!
 Мужа, рожденнаго смертнымъ, давно подчиненнаго року,
 Нынѣ обратно желаешь похитить у смерти зловѣщей? 180.
 Дѣлай, но мы, остальные всѣ боги, тебя не одобримъ».
 Ей отвѣчая, промолвилъ Зевесъ, облаковъ собиратель:
 «Милая дочь, ободрись, Тритогеія! Пусть говорилъ я